

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Н.М. МОРОЗОВ

Современные проблемы исторического знания о российской цивилизации

В статье рассмотрены основные аспекты и проблемы исторического знания о российской цивилизации, выявленные в процессе анализа современной отечественной историографии: дефиниции основных понятий, содержание цивилизационного подхода, эпистемологические основания цивилизационных исследований, времени и пространства цивилизации, менталитета русских и российской полиментальности. Выявлены лакуны в цивилизационном знании о России.

Ключевые слова: российская цивилизация, цивилизационный подход, время цивилизации, пространство цивилизации, менталитет, ментальность.

Современное историческое знание обогащается новыми фактами и исследовательскими подходами, которые могут быть объединены на основе идеи полидисциплинарного синтеза [Николаева 2006, с. 10], осуществляемого на теоретическом и методологическом уровне, возводящего в научную норму комплектацию аналитического аппарата инструментарием смежных наук, предполагающего появление новых ракурсов в освещении традиционных и новых тем. Об этом писал, в частности, В. Согрин [Согрин 1998, с. 124], одним из первых обозначивший проблему необходимости не противопоставления подходов друг другу, но, напротив, их синкретичного использования, без чего невозможен путь к историческому синтезу, а стало быть, продолжая его мысль, – и к пониманию российской цивилизации.

С конца 1980-х гг. исторические науки развивались на фоне возраставшего недоверия многих исследователей к формационной методологии и неоправданного отказа от продуктивных (в отдельных случаях) объяснительных схем исторического материализма. В обстановке ставшего допустимым заимствования у зарубежных коллег социологических схем и расширения публикационных возможностей для выражения обществоведами собственных авангардных идей теоретическое пространство стали заполнять разнообразные аналитические модели, претендовавшие на универсальность в объяснении специфики России, ее места и роли в мировом сообществе. Исследования данного корпуса источников [Ионов 2007, с. 445–465; Морозов 2014] показали наличие спектра проблем, обусловивших еще бытующее среди историков поверхностное отношение к цивилизационной тематике и такому важному научному инструментарию, каким является цивилизационный подход. При растущем запросе общества на качественное историческое знание с высоким прогностическим потенциалом необходимо в первую очередь подвергнуть анализу указанные проблемы, обнаружить их питающую среду и перспективы решений, адекватных вызовам современности и ближайшего будущего.

Морозов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института экологии человека СО РАН. Адрес: 650065, Кемерово, Ленинградский просп., д. 10. E-mail: ssheremetova@rambler.ru.

Проблема дефиниции основного понятия

Вначале обращу внимание на понятийный аппарат, с помощью которого транслируются цивилизационные знания. Исследователь, желающий приблизиться к истине (как он ее себе представляет) и одновременно быть правильно понятым, выстраивает формулировки по характерным для его творческого почерка правилам: эпистемологическим, дисциплинарным, теоретическим, методологическим, логическим и соответствующим мировоззренческим предпочтениям. Разнообразие обуславливающих факторов породило множество вариантов интерпретации таких базовых понятий, как “цивилизация”, “локальная цивилизация” и “цивилизационный подход” [Ерасов 2002, с. 19–36].

Подводя итоги практике сравнительного изучения цивилизаций и двухсотлетнему противостоянию носителей прозападного и почвеннического мировоззрений, которые сводились главным образом к спорам о главенстве между метафизикой прогресса и метафизикой традиции, а также между идеалом империи океанической и империей континентальной, И. Ионов счел необходимым поднять вопрос о тупиках в цивилизационных знаниях [Ионов 2008, с. 182]. В частности, была отмечена высокая лабильность термина “цивилизация”, в котором в течение двух с половиной веков «спрессовывались оказавшиеся затем нестойкими ранее вложенные смыслы. По мере накопления фактического материала и осознания в череде обновляющихся концепций его содержание прирастало новыми интерпретациями признаков и свойств... (термин. – Н.М.) становится сложнее и многомернее, – и десятилетия спустя выясняется, что прежние попытки “ниспровержения” делают парадигмальное понятие только устойчивее в новых теоретических бурях» [Ионов 2002, с. 65]. В итоге уже в 1990-е гг. данное понятие оказалось семантически перегруженным, а его использование без специальных оговорок не только существенно усложняло научный диалог, но нередко делало его невозможным. Нормой научной этики стало суждение о том, что о терминах не спорят, о них договариваются. Тем не менее и оно не ограждало от соблазна и далее множить дефиниции.

В отечественной историографии сформировались две стратегии описания сущности цивилизации: в виде общества как системы в общесоциологическом срезе и крупной локальной общности как социально-биологического организма. Первая стратегия базируется на механистическом понимании цивилизации в контексте теории всемирной истории и родственных с ней теорий: формационной, постиндустриального общества и других [Курцев 1995, с. 5–12; Осипов 2004, с. 80]. Цивилизация представляется наиболее развитой ступенью социума в экономическом и общекультурном плане. Идеями истоками данной познавательной традиции стали популярные во второй половине XIX в. суждения о стадиях развития человечества, извлеченные из трудов французских просветителей, А. Фергюссона, Л. Моргана и Ф. Энгельса.

Указанная практика была усвоена учеными, которые, говоря словами Ионова, “пытались воспроизвести в концепции цивилизаций формационную стадиальную схему или воспроизводили привычное деление исторического мира по принципу Запад–Восток (читай: развитие–застой, общее–особенное, системное–несистемное и тому подобное)” [Ионов 1994, с. 185]. На отсутствие формальных критериев для выделения цивилизационных стадий указывал Ю. Мельников [Мельников 2005, с. 36]. Авторы, по его мнению, активно используют “территорию” других макромоделей истории: формационной, модернизационной, всемирно-исторической, мир-системной. Действительно, в качестве клона иных теоретических конструкций данная разновидность цивилизационной аналитики, обслуживая “чужие” проблемные поля, теряет самостоятельное познавательное значение. По существу она направлена на понимание того или иного этапа развития социальных технологий, о которых писал А. Ракитов¹, гарантирующих стабильность общества на определенном отрезке его истории.

¹ Согласно Ракитову, в широком философском смысле технологии, характерные для определенного отрезка истории, представляют собой динамичную, иерархически построенную, полиструктурную, культурно и социально обусловленную функционирующую систему [Ракитов 1992, с. 7].

Вторая – органистическая – стратегия появилась в связи с осознанием человечества субъектом биосоциальной эволюции, имеющим специфичные проявления в масштабе множества этнических сообществ, у которых глубинные причины своеобразного течения социальных процессов следует искать не только в событиях социальной истории, но и в тесной взаимосвязи с окружающей природной средой [Найдыш 1998, с. 40]. Ее родоначальником в отечественной науке был ботаник Н. Данилевский, широко использовавший терминологию естественных наук. Природное начало в социальном организме обнаруживается через понимание этничности как «переживание групповой идентичности и солидарности, формирующееся первоначально на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения “нас” с “не-нами” в ходе межгруппового взаимодействия в этносоциальном пространстве» [Сикевич 1999, с. 72]. Среди признаков данного типа сообщества преобладают ценностные императивы, пока историками малоизученные, но, как считается, – предвосхищающие направления трансформации духовной (в первую очередь) и иных сфер жизнедеятельности.

Используемый в концепциях органистической стратегии набор смысловых фигур достаточен, чтобы с учетом устоявшихся междисциплинарных знаний определить локальную цивилизацию как часть человечества, проживающую в пространстве и во времени суперэтнуса, объединенную комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации. В представленной дефиниции определяемое выступает как категория, имеющая самостоятельное познавательное значение и “работающая” в собственном проблемном поле. Философские категории пространства и времени структурируют основные направления осмысления исторического и иного содержания других групп понятий, характеризующих *суперэтнос* (подробнее о суперэтнусах см. [Гумилёв 2001, с. 546; Майборода 1998, с. 11]), а также феномены социального мышления и самоорганизации общества.

В конце XX в. с распространением опыта синтетизации социогуманитарных и естественных-научных знаний укрепились эмпирическая и теоретическая базы научного статуса понятия “локальная цивилизация”, послужившие фундаментом для обоснования правомерности выделения в качестве самостоятельных объектов исследования российской, китайской, латиноамериканской, западной и других локальных цивилизаций. Вместе с тем общее понятие “цивилизация” как номинация стадии, ступени, фазы жизни общества прочно вошло в обыденное сознание населения. Педантируемое конъюнктурной риторикой общественных деятелей и средствами массовой информации, для некоторых исследователей оно оставалось не только мировоззренческим, но и достойным быть включенным в научный дискурс с претензией на новизну исследовательского подхода, но фактически *дублирующим формационную терминологию*, что привносило тем самым путаницу в теорию и методологию работ. Подсказку универсального способа решения проблемы дефиниций можно обнаружить в известном афоризме Р. Декарта: “Верно определяйте слова, и вы освободите мир от половины недоразумений” (цит. по [Борохов 2000, с. 510]).

Проблема цивилизационного подхода

С постепенным вхождением в историческое знание антропологической парадигмы в познавательной практике появился еще один полюс притяжения исторической теории – “человек в истории” и базовые ценности общества, механизм изучения которых стал позиционироваться как ядро цивилизационного подхода. В работах историков, культурологов и специалистов по социальной философии, посвященных теории и истории российской цивилизации, приоритеты сконцентрировались вокруг “надстроечных” явлений с утверждением первенства духовной сферы. Цивилизационный подход нередко отождествлялся с одноименной концепцией или теорией, а его интерпретации представляли собой описание набора принципов, казавшихся важными для исследования конкретной темы (подробнее см. [Морозов 2011, с. 104]).

Большинство авторов, провозглашавших намерение руководствоваться указанным инструментарием, не поднимали вопроса о дефиниции и, формулируя цель продемонстрировать его познавательные возможности, продолжали интуитивно следовать иным методологическим стратегиям. Так, нередко допускались элементы несогласованности между задачами исследования и принципами их решения вследствие изначально допущенной эклектики в теоретических рассуждениях; замещение проблемного поля российской цивилизации проблемным полем истории конкретных социальных институтов (характерно для трудов А. Каньшина, К. Токаевой, И. Экаревой), произвольное (без обоснования принципов) конструирование новых абстрактных схем из элементов конкурирующих концепций (И. Яковлев) [Ионов 2007, с. 454–455; Морозов 2014, с. 185–187].

Сложившаяся историографическая ситуация в начале 2000-х гг. стала предметом глубокого анализа И. Следзевского, который выделил две причины скромных завоеваний цивилизационным подходом территории исторических наук. Одна заключалась в том, что их представители приступили к освоению этого познавательного инструментария *недавно*, к тому же дискуссии о его содержании были далеки от завершения. Другая была скрыта в *пограничном положении* данной методологической стратегии, оказавшейся на стыке двух оснований: первого – допускавшего понимание цивилизации как определенной формы бытия крупных социокультурных общностей, и второго – культурно-экзистенциального, введившего в оборот предпосылочные знания (ценностные ориентации, культурные стереотипы), предназначенные для вычленения особенностей цивилизации, которые ранее не могли положительно восприниматься в координатах объясняющей классической модели научного познания [Следзевский 2002, с. 23–26]. На третью причину указала Н. Проскуракова, обратившая внимание на “отсутствие у историков стремления к эпистемологическим разработкам и нехватку исторических знаний и интереса к конкретике у аналитиков-философов, интересующихся теорией познания” [Проскуракова 2005, с. 158].

Нетрудно заметить, что заниженный статус методологии не способствовал поиску и теоретическому обоснованию принципов, которые бы презентовали логичный в качестве базового цивилизационный подход и выделили бы его среди остальных исследовательских стратегий. Вместе с тем эта цель в пределах наличествующего аналитического ресурса междисциплинарных, пограничных с историей знаний, имела перспективу быть осуществимой. Так, некоторые исследователи [Сорокин 1999, с. 47–54; Поляков 2003; Шаповалов 2001, с. 20; Хум 2010, с. 35] отмечали ключевое значение ряда принципов, конкретизирующих цивилизационный подход установками требуемого содержания, а именно:

- холизм – формирующее представление о пространстве цивилизации как целостности, свойства которой не должны сводиться к свойствам составляющих его структур (элементов) и связей, но в их понимании должно непременно присутствовать ощущение целого как контекста;

- историзм – нацеленность на учет взаимосвязи между возрастом российской цивилизации и качественными характеристиками присущих ей в конкретный период явлений (процессов);

- психологизм – направленность на выявление специфики экзистенциальных представлений людей о мире и о себе, обусловленных менталитетом, верой, мировоззренческими установками, ориентированность на фиксацию общего и особенного в социокультурных портретах локальных цивилизаций.

Можно утверждать, что элемент неопределенности, и в настоящее время имеющий место в системе знаний о цивилизационном подходе, как, впрочем, и о российской цивилизации в целом, стал следствием незавершенного поиска исчерпывающего набора его принципов и соответствующей интерпретации их содержания.

Проблема эпистемологического основания

В дискуссиях о способах изучения российской цивилизации в завуалированном виде скрывается контрверза по поводу эпистемологических предпочтений авторов.

Описывая сложившуюся в историографии ситуацию, Ионов констатировал, что «в отечественной теории истории взаимодействуют сейчас не просто теория формаций и различные версии теории цивилизаций, а теории, принадлежащие к различным по своей природе и задачам формам знания: классической науке (теория формаций и позитивистский вариант теории цивилизаций), неклассической науке (теория цивилизаций школы “Анналов”, за исключением ее “четвертого поколения”, и родственная ей часть культурологии), а также элементы исторических теорий постнеклассической науки» [Ионов 1997, с. 133].

Как известно, в науках об обществе простот знаний происходит по мере осознания сложности его структуры, за счет новых фактов и интерпретаций понимания/объяснения совокупности связей и отношений, скрепляющих элементы системности социума между собой и с внешним миром. На каком-то этапе прежний инструментарий требует естественного обновления. В процессе бурного развития цивилизационного знания дополнительные методологические возможности открывались в пространстве эпистемологии, которая вооружала интеллектуалов обновляемыми нормами и стандартами общего познавательного процесса.

В рассматриваемый период социально-гуманитарные науки получили относительно надежный инструмент обнаружения элементов эклектики в предлагаемых теоретических моделях истории – в виде концепции В. Стёпина о трех формах научного познания: классической, неклассической и постнеклассической [Стёпин 1999]. Философ заключил, что направление эволюции знаний связано с переходом от одного типа научной рациональности к другому в указанной очередности. Так, до конца XIX в. европейская наука преимущественно развивалась на основе классической рациональности, в XX в. – на основе неклассической, и к концу века появились признаки постнеклассической. Каждый из типов рациональности отличается сложившимся на его основе комплексом базовых утверждений, касающихся отношений между объектом и субъектом познания, смысла(ов) истины, способов познания окружающего мира и других параметров научности. При этом последующий, качественно новый тип рациональности не просто сменяет предыдущий, но также включает его элементы. Таким образом, в процессе исторического познания российской цивилизации закономерно возрастает значение постнеклассических моделей, ориентированных на поиск точек соприкосновения и синтез комплементарных естественно-научных и социогуманитарных концепций, в совокупности выражающих многообразие предметных подходов, необходимых для понимания целостности цивилизационного общества и его свойств, отличных от свойств составляющих элементов.

Эпистемологические знания сопрягались с проблемным полем российской цивилизации и были востребованы в построении концепций, создаваемых на основе одного из трех типов научного познания (по Стёпину). На этом фоне время от времени возобновляющиеся дискуссии по цивилизационной проблематике по существу отражают конкуренцию (если, конечно, не превращаются в банальное столкновение теоретически не выверенных наборов максим) их эвристических потенциалов с не вполне заслуженной критикой параметров научности, которыми руководствуются авторы различного рода концепций [Рузанкина 2005, с. 3–4; Следзевский 2002, с. 23–26]. Если для позиции представителей классической науки естественны консервативно-охранительные мотивы, то для постнеклассиков характерно понимание необходимости использования разнообразного научного инструментария в многоплановом изучении российского исторического опыта, и в этой связи, как им представляется, формационный, модернизационный, цивилизационный, ментальный и другие аналитические ресурсы исторического познания общества должны работать в диалогическом режиме, и эти методологически важные каркасы образуют теоретическую основу для приближения к корректной интерпретации феномена локальной цивилизации.

Проблема времени цивилизации

В отечественной историографии проблема времени российской цивилизации в многоуровневом контексте до недавнего времени четко не формулировалась, но подразумевалась в распространенной практике обоснования схем периодизации истории общества/цивилизации. Опорным инструментом служил аналитический аппарат, предназначенный для описания внутренней логики развития социальных структур в пределах соответствующих временных континуумов. Сформировался широкий диапазон мнений о времени российской цивилизации, включивший точки зрения как сужающие ее хронологию до последних 300 лет [Шатовалов 2001, с. 66–67], так и чрезмерно увеличивающие ее – до четырех тысячелетий [Платонов 2000, с. 351]. Аналитический ресурс линейного подхода выражен представлениями о хронологии векторов политического и социокультурного времени в разрезе длительностей и смены социальных форм жизнедеятельности [Маслов 2005, с. 124; Суворов 2006, с. 8; Флиер 1994, с. 94]. Он базируется не на признаках-свойствах локальной цивилизации как целостности, а на признаках-проявлениях ее специфики. Обилие противлений дает ложный повод считать обоснованной любую версию хронологии, созданную на их основе. При этом авторы не полемизируют друг с другом по поводу разночтений в датировке и в названии периодов (древнерусская, московская, петербургская, советская), совпадающих с хронологией истории государства.

Аналитический ресурс другого – циклично-волнового – подхода обогатился представлениями о многослойной структуре темпоральности цивилизации с синхронными взаимодействиями смежных и иерархично соподчиненных общественных подсистем. Его элементы представлены в концепциях [Кульпин 1995; Милов 1998], обосновывающих многочисленные параметры темпоральности социальных сфер: фаз их жизненного цикла (возникновение, рост, стабильность, стагнация, надлом, распад, трансформация) с инверсиями зеркальных противоречий (реформы–контрреформы, либерализм–консерватизм/традиционализм) [Пантин, Лапкин 2011], инверсией–медиацией (А. Ахизер), вызовами–ответами (адепты идей А. Тойнби), которым отводится роль основного генератора временных процессов. Заслуживает внимание гипотеза об уникальных российских длинных (80 лет) и сверхдлинных (400 лет) волнах социальной жизни [Россия... 2004, с. 15–34]. Их общим теоретическим фундаментом служат выводы русских ученых (А. Гельфанд, Н. Кондратьев, П. Сорокин, М. Туган-Барановский) о закономерности повторения тенденций в различных средах.

В контексте естественно-научных знаний рассматриваемый блок аналитики дополнен идеями о жизненных циклах цивилизации, накоплении и рассеивании энергии в имеющемся этнопсихологическом пространстве, конкретизирующими концепцию Л. Гумилёва о жизненных циклах суперэтноса [Гумилёв 2001, с. 296, 348, 542, 544–546]. Ученики и сторонники идей классика теории этногенеза популяризировали точку зрения о психофизиологической природе человека как субстрате формирования представлений об этническом времени как ядре социальной темпоральности [Петрова 2000, с. 21]. Их рассуждения подводят к мысли о наличии тесной взаимосвязи между контурами времени российской цивилизации и российского суперэтноса, то есть соотносимыми по масштабу системностями, среди которых вторая выступает в качестве биосоциальной основы первой.

Тем не менее до сих пор не получен развернутый ответ на вопрос “В чем заключается особенность времени российской цивилизации как целостности в отличие от совокупности временных параметров ее составляющих подсистем?”. Таким образом, еще не сформировалось общее мнение об *основном параметре* темпоральности, который мог бы выступить важной частью полноценного теоретического обоснования сущности российской цивилизации. В современных исторических исследованиях доминирует традиция оперировать типологией социального времени, обусловленная в каждом случае предметными предпочтениями обществоведов. Последние держат

привычную для корпоративной среды дистанцию в отношениях с представителями естественных и физических наук, чьи наработки по данной проблеме нуждаются в гуманитарном переосмыслении.

Проблема пространства цивилизации

Проблема пространства российской цивилизации еще не стала предметом специального исследования, но в отечественной историографии уже высказан ряд идей и мнений по поводу элементов ее предполагаемой структуры, в итоге дополняющих нюансами общее представление о размерности цивилизации. Суждения ученых группируются в основном вокруг трех смысловых конструкций: пространство как территория/жизненная среда, цивилизационная идентичность и место России относительно Запада и Востока.

Первая модель представлена идеями о структурированности исторически изменчивого пространства по многочисленным сферам деятельности (управленческой, экономической, технологической, духовной) [Самсонов 2001, с. 18; Устьянцев 2007, с. 85–90], о размерности российского суперэтноса [Гумилёв 2001, с. 546; Кибасова 2004, с. 14–15] и очагах распространения экзистенциальных ценностей, сформированных у населения в процессе хозяйственного освоения территорий [Горин 2003, с. 26–27; Марцева 2007, с. 20]. Одним из признаков объективности этого знания служит неизменная апелляция к географическому фактору [Замятин 2008, с. 171], измеряемому физическими величинами, и используемая терминология естественных наук.

Вектор осмысления пространства российской цивилизации посредством образного сопоставления с Западом и Востоком [Кургина 2006, с. 10; Федотова 1997, с. 50–60] опирается на традицию отечественных интеллектуалов довольствоваться удобным в потребительском плане европоцентристским мышлением. Он отразил сторону процесса самосознания общества, не касающуюся аспектов влияния природных факторов, но обусловленную сложившимися авторскими представлениями о принципах организации социума в различные исторические периоды, ассоциируемые с этапами незавершенной модернизации.

Поиск цивилизационной идентичности России ориентирован на обоснование современных мировоззренческих установок и геополитических проектов, которые разделяют ученые [Королёва 2006, с. 12, 43; Мчедлова 2001, с. 69], что удовлетворяет, таким образом, запрос массового исторического сознания на свежие идеи. У зарубежной историографии было заимствовано понятие идентичности как инструмента для формирования и трансляции новых смыслов проблемы самосознания российского общества относительно координат локальных цивилизаций Запада и Востока. Момент научной новизны заключается в выделении и абсолютизации познавательного потенциала элементарной единицы идентичности в виде носителей смысловой в психологическом контексте триады “Я–мы–свое”, с помощью которой приемом обращения к привычным для обыденного сознания оппозициям “свое–чужое–другое” определяется комплементарная социальная система, в пределе представляющаяся многослойным (территориальным, культурным, политическим, этническим, ментальным, языковым) контуром пространства российской цивилизации.

Выработанные подходы стали результатом взаимодействия “дискурсивных” практик (на предмет сопоставления России с Западом) с историко-социологическими представлениями о предполагаемой многомерной и динамичной структуре пространства цивилизации. На рубеже XX–XXI вв. отечественные исследователи перешли от изучения ее отдельных составляющих, выступавших как часть, элемент более сложной социальной (этнической) системности, к выявлению и объяснению связности и природы отношений между ними, накапливая материал для адекватного представления пространства российской цивилизации как целого.

Проблема менталитета русских и российской полиментальности

Проблема менталитета русских и российской полиментальности традиционно связывается с изучением проявлений элементов иррационального в жизни общества. Вместе с тем высказанные в последние два десятилетия в ее контексте идеи, востребованные в отечественной историографии, представляются мне базовым историко-психологическим ресурсом познания свойств российской цивилизации. С одной стороны, в арсенале ученых отсутствуют метрические или иные способы фиксации ментальности, с другой – антропологические и неклассические повороты в социально-гуманитарных науках, тенденция к междисциплинарным исследованиям предоставили почву для разработки приемов получения косвенных свидетельств о влиянии компонентов неосознаваемого на поведение больших коллективов.

Многие современные исследователи уже признают необходимость разграничения и уточнения смыслов родовых понятий “менталитет” и “ментальность”, но в перманентную дискуссию превратили тему структуры менталитета, которая представляется в различных конфигурациях психических процессов, состояний и свойств: уровневой [Бакурский 2002, с. 10; Плебанек 2007, с. 51–53], ядерно-сферической [Полежаев 2009, с. 9–10; Трофимов 2001, с. 12, 30–34] и модельной [Вальцев 2005, с. 36–38; Лубский 2004]. Высказанные идеи небыстроточны вследствие распространенной практики включения в менталитет и ментальности вместе со структурами бессознательного (неосознаваемого) еще и осознаваемых элементов психики (мировоззрение, понимание истины, смысла жизни, целей деятельности), не нуждающихся в дополнительной идентификации, проявления которых подвержены анализу и целенаправленной корректировке со стороны индивида. Поэтому необходимо уточнять границы применимости этих понятий, функции и пределы изменчивости во времени и пространстве обозначаемых ими явлений. В суждениях можно угадать общую “ахиллесову пятю” – отсутствие надежных критериев для обнаружения ментальных структур.

Сложившаяся историографическая ситуация отражает практику оперирования еще не устоявшимися знаниями об этнических менталитетах и аналитическим аппаратом для объяснения, каким образом длительное время переживаемые отрицательные эмоции, порожденные историческими событиями, вытеснялись в глубины народной психики и затем оказывали(ют) обратное воздействие на индивидуальное и общественное сознание. Руководствуясь положениями теории К. Юнга об архетипах, многие авторы [Васильева 2002, с. 26–33; Руткевич 1998, с. 36–37] локализовали менталитет в архетипических формах врожденного коллективного бессознательного. Данные формы, по их убеждению, обуславливают специфику многочисленных коммуникативных каналов, структуры и внутреннего содержания, в первую очередь этнической среды – изначального продукта психологической адаптации населения к историческим событиям и другим – внешним и внутренним – факторам жизнедеятельности в пределах общей территории с особыми свойствами биосферы.

В свою очередь, ментальность социальной группы представляется иерархически упорядоченной системой сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности. Они проявляются у ее членов благодаря сходству защитных механизмов, приобретенных в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности [Морозов 2014, с. 271, 281].

Позиционирование ментальности как метода историко-психологической реконструкции субъектов российской истории получило глубокое обоснование в трудах А. Гуревича, называвшего первой проблемой любого исторического исследования построение предварительной рабочей модели ментальности рассматриваемой эпохи, на фундаменте которой возможно рассмотрение собственно темы исследования [Гуревич 1993, с. 20]. В этой связи продолжают множиться предметные подходы к определению

“плана содержания” ментальностей и способы обнаружения их проявлений, которые позволяют детализировать психологический, а следовательно, и любой – по сферам деятельности (политический, экономический, религиозный) – портрет интересующего исторического периода.

* * *

Сама постановка указанных выше проблем, нуждающихся в дальнейшем анализе, недвусмысленно содержит в себе положительный ответ на волнующий умы интеллектуалов вопрос: “Имеет ли право на существование такая ниша знаний, как история российской цивилизации, или цивилизационные знания призваны предоставлять только специфичную исследовательскую оптику?”. До сих пор опубликованные ее версии являлись пробным опытом, во многом компилирующим объектную историю, преимущественно историю *государства*. Мне же история локальной цивилизации представляется историей конкретного суперэтнуса, не столько объектной, сколько *субъектной* – с изучением динамики различного рода связей и отношений, в которых находились друг к другу человек и природа, человек и общество, человек и власть, человек в социуме и его внутренний мир, человек и семья. Ее основные периоды соотносятся, как я полагаю, с фазами *жизненного цикла суперэтнуса*, внутри которых прослеживается взаимосвязь синхронных потоков этнического и других типов социального времени в режиме изменчивости религиозных, идеологических, научных, этических и иных установок поколений, и влияния ментальных структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакурский М.И. (2002) Российский менталитет и его роль в отечественных модернизационных процессах. Автореф. дис... к.соц.н. Саратов: Издательство СГУ.
- Борохов Э. (2000) Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М.: Издательство АСТ.
- Вальцев С.В. (2005) Структура, содержание и особенности национального менталитета. М.: Издательство МГОУ.
- Васильева К.К. (2002) Менталитет: онто-этнологическое измерение (На примере бурятского этноса). М.: Русский мир.
- Горин Д.Г. (2003) Пространство и время в динамике цивилизации. М.: Едиториал УРСС.
- Гумилёв Л.Н. (2001) Этногенез и биосфера Земли. М.: “Издательство АСТ”.
- Гуревич А.Я. (1993) От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы “Анналов”. М.: Наука. С. 16–29.
- Ерасов Б.С. (2002) Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука.
- Замятин Д. (2008) Географический фактор и цивилизация // Свободная мысль. № 4. С. 169–180.
- Ионов И.Н. (2008) Изучение теории и истории цивилизаций и ее реактуализация в XXI в. // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI в. М.: ИВИ РАН. С. 181–183.
- Ионов И.Н. (1994) Рецензия. Л.И. Рейснер. Цивилизация и способ общения. М.: Изд. фирма “Восточная литература”, 1993. 307 с. // Восток. 1. № 2. С. 185–187.
- Ионов И.Н. (1997) Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. № 6. С. 118–135.
- Ионов И.Н. (2007) Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука.
- Ионов И.Н. (2002) Цивилизация: эволюция смыслового содержания понятия и его литературного контекста // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН. С. 42–46.
- Кибасова Г.П. (2004) Этническое пространство России: социально-философский анализ. Автореф. дис... д.филос.н. Волгоград: Издательство ВолГУ.
- Королёва Л.Г. (2006) Цивилизационная идентичность России в русской философии культуры. Дис... д.филос.н. Курск: Издательство Курского гос. ун-та.
- Кульпин Э.С. (1995) Социально-экологический кризис XV в. и становление российской цивилизации // Общественные науки и современность. № 1. С. 88–98.

- Кургиян С. (2006) Бдительность // Россия XXI. № 1. С. 4–43.
- Курцев А.Н. (1995) Глобальные цивилизации и локальные цивилизации: универсальность и альтернативность истории // Нестор. Историко-культурные исследования. Вып. 3. Воронеж: [б. и.]. С. 5–12.
- Лубский А.В. (2004) Россия как цивилизация: многомерный конструкт исследования [Электронный ресурс] // Гуманитарный ежегодник. 3 (ч. 1). Ростов-н/Д. Издательство Ростовского университета. (<http://ippk.edu.mhost.ru/content/view/161/34/>).
- Майборода Э.Т. (1998) Феномен суперэтноса: философский анализ. Автореф. дисс. ... к.филос.н. Ставрополь: Издательство Ставропольского гос. ун-та.
- Марцева Л.М. (2007) Труд в контексте Российской цивилизации (социально-философский аспект). Автореф. дисс. ... д.филос.н. Красноярск: Издательство Сибирского ГАУ.
- Маслов А.А. (2005) Цивилизационная идентичность российского общества (социально-философские аспекты). Автореф. дис... к.филос.н. М.: Издательство РАГС.
- Мельников Ю.Н. (2005) Циклическое развитие общественных систем в России. Ульяновск: Симбирская книга.
- Милов Л.В. (1998) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Морозов Н.М. (2014) Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Практика.
- Морозов Н.М. (2011) Понятие “цивилизационный подход” в отечественной историографии на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Челябинского государственного университета. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 104–114.
- Мчедлова М.М. (2001) Идентичность общероссийская // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М.: Республика. С. 69.
- Найдыш В.М. (1998) Цивилизация как проблема философской антропологии // Человек. № 3. С. 40–49.
- Николаева И.Ю. (2006) Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Автореф. дисс. ... д.и.н. Томск: Издательство ТГУ.
- Осипов Н.Е. (2004) Формационный и цивилизационный аспекты анализа категории “производительные силы общества” // Философия и общество. № 2. С. 80–98.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. (2011) Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы (http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content).
- Петрова И.А. (2000) Особенности цивилизационного развития России в этническом времени. Автореф. дисс. ... д.филос.н. Волгоград: Издательство Волгоград. мед. академии.
- Платонов О.А. (2000) История русской цивилизации // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Православное издательство “Энциклопедия русской цивилизации”. С. 386–405.
- Плебанек О.В. (2007) К вопросу о структуре ментальности // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. СПб.: Астерион. С. 47–55.
- Полежаев Д.В. (2009) Русский менталитет: опыт социально-философского анализа. Автореф. дисс. ... д.филос.н. Волгоград: Издательство ВолГПУ.
- Поляков Ю.А. (2003) Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. № 1. С. 3–8.
- Проскурякова Н.А. (2005) Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. № 7. С. 153–159.
- Ракилов А.И. (1992) Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. № 5. С. 3–15.
- Россия в пространстве и времени (история будущего) (2004). М.: Институт экономических стратегий.
- Рузанкина Е.А. (2005) Неклассический идеал научности в исторической науке. Автореф. дис. ... к.филос.н. Новосибирск: Издательство НГУ.
- Руткевич А.М. (1998) Архетип // Культурология. XX в. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. СПб.: Университетская книга, ООО “Алетейя”. С. 36–37.
- Самсонов В.Б. (2001) Пространственно-временная мера // Российская цивилизация: пространственно-временные характеристики. Саратов: Приволж. кн. изд-во. С. 8–25.
- Семенов Ю.И. (1997) Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. № 1. С. 156–217.
- Сикевич З.В. (1999) О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. № 2. С. 69–79.

Следзевский И.В. (2002) Особенности и возможности цивилизационного подхода // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М.: Наука. С. 21–28.

Согрин В.В. (1998) Теоретические подходы к российской истории конца XX в. // Общественные науки и современность. № 4. С. 124–134.

Сорокин П.А. (1999) Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект Пресс. С. 47–54.

Стёпин В.С. (1999) Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: “Прогресс-традиция”.

Суворов Д.В. (2006) Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России. Автореф. дис... к.культ. Екатеринбург: Издательство Уральского гос. ун-та.

Трофимов В.К. (2001) Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект). Автореф. дис... д.филос.н. Екатеринбург: Издательство Уральского гос. ун-та.

Устьянцев В.Б. (2007) Пространство цивилизаций в контексте смены типов рациональности // Философия и общество. № 3. С. 85–98.

Федотова В.Г. (1997) Модернизация “другой” Европы. М.: ИФ РАН.

Флиер А.Я. (1994) Об исторической типологии Российской цивилизации // Цивилизации и культуры. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Издательство Института востоковедения РАН. С. 94–115.

Хут Л.Р. (2010) Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. Дис... д.ист.н. М.: Московского гос. пед. ун-та.

Шаповалов В.Ф. (2001) Россиеведение: учебное пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС.

Modern problems of historical knowledge of the Russian civilization

N. MOROZOV*

* **Morozov Nikolay** – candidate of historical sciences, research associate of Institute of Ecology of the Person of the Siberian office of the Russian Academy of Sciences. Address: 10, Leningradsky av., Kemerovo, 650065, Russian Federation. E-mail: ssheremetova@rambler.ru.

Abstract

In article the main problems of historical knowledge of the Russian civilization revealed in the course of the analysis of a modern domestic historiography are considered: definitions of the basic concepts, content of civilization approach, epistemological basis of civilization researches, time and space of a civilization, mentality of Russians and Russian polymentality. Lacunas in civilization knowledge about Russia are revealed.

Keywords: Russian civilization, civilization approach, civilization time, civilization space, mentality.

REFERENCES

Bakurskiy M.I. (2002) *Rossiyskiy mentalitet i ego rol v otechestvennih modernizatsionnih processah* [The Russian Mentality and its Role in Domestic Modernization Processes]. *Avto-ref. dis... kand. sociol. nauk*, Saratov: Izdatelstvo SGU.

Borokhov E. (2000) *Entsiklopediya aforizmov (Mysl' v slove)* [The Encyclopedia of Aphorisms (Thought in the Word)]. Moscow: Izdatel'stvo AST.

Erasov B.S. (2002) *Civilizacii: Universalii i samobitnost* [Civilizations: Universalia and Originality]. Moscow: Nauka.

Fedotova V.G. (1997) *Modernizaciya drugoy Evropi* [Modernization of the "Other" Europe]. Moscow: IF RAN.

Flier A.Y. (1994) *Ob istoricheskoy tipologii Rossiyskoy civilizacii* [About Historical Typology of the Russian Civilization]. *Civilizacii i kulturi Vip. 1: Rossiya i Vostok: civilizacionnie otnosheniya* [Civilizations and cultures. Issue 1: Russia and East: Civilizational Relations]. Moscow: Izdatelstvo Instituta vostokovedeniya RAN, pp. 94–115.

Gorin D.G. (2003) *Prostranstvo i vremya v dinamike civilizacii* [Space and Time in Dynamics of a Civilization]. Moscow: Editorial URSS.

Gumilyov L.N. (2001) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of Earth]. Moscow: OOO Izdatelstvo AST.

Gurevich A.YA. (1993) *Ot istorii mentalnostey k istoricheskomu sintezu* [From History of Mentalities to Historical Synthesis]. *Spori o glavnom. Diskussii o nastoyaschem i buduschem istoricheskoy nauki vokrug francuzskoy shkoli Annalov* [Disputes on the Main Things. Discussions about the Present and the Future of Historical Science around the French School of "Annals"]. Moscow: Nauka, pp. 16–29.

Hut L.R. (2010) *Teoretiko-metodologicheskie problemi izucheniya istorii novogo vremeni v otechestvennoy istoriografii rubezha XX–XXI vv.* [Theory Problems of Studying of History of the Modern Time in a Domestic Historiography in the Boundary of the XX–XXI Centuries]. *Dis... d-ra ist. nauk*, Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gos. ped. un-ta.

Ionov I.N. (1994) Recenziya. L.I. Reysner. *Civilizaciya i sposob obscheniya*. M.: Izd. firma Vostochnaya literatura, 1993. 307 s. [Review. L.I. Reysner. *Civilization and Way of Communication*. M.: Prodn. East Literature Firm, 1993. 307 pages]. *Vostok*, 1, no. 2, pp. 185–187.

Ionov I.N. (2007) *Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemi vzaimodeystviya* [Civilization Consciousness and Historical Knowledge: Interaction Problems]. Moscow: Nauka.

Ionov I.N. (2002) *Civilizaciya: evolyuciya smislovogo sodержaniya ponyatiya i ego literaturnogo konteksta* [Civilization: Evolution of the Semantic Content of the Concept and its Literary Context]. *Problemi istoricheskogo poznavaniya* [Problem of Historical Knowledge]. Moscow: IVI RAN, pp. 42–46.

Ionov I.N. (2008) *Izuchenie teorii i istorii civilizaciy i ego reaktualizaciya v XXI v.* [Studying of the Theory and History of Civilizations and its Reaktualization in the XXI Century]. *Teorii i metodi istoricheskoy nauki: shag v XXI v.* [Theories and Methods of Historical Science: a Step to the XXI century]. Moscow: IVI RAN, pp. 181–183.

Ionov I.N. (1997) *Teoriya civilizaciy i evolyuciya nauchnogo znaniya* [Theory of Civilizations and Evolution of Scientific Knowledge]. *Obschestvennie nauki i sovremennost*, no. 6, pp. 118–135.

Kibasova G.P. (2004) *Etnicheskoe prostranstvo Rossii: socialno-filosofskiy analiz* [Ethnic Space of Russia: Social and Philosophical Analysis]. *Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk*, Volgograd: Izdatelstvo VolGU.

Korolyova L.G. (2006) *Civilizacionnaya identichnost Rossii v russkoy filosofii kulturi* [Civilization Identity of Russia in the Russian Philosophy of Culture]. *Dis... d-ra filos. nauk*, Kursk: Izdatelstvo Kurskogo gos. un-ta.

Kulpin E.S. (1995) *Socialno-ekologicheskii krizis XV v. i stanovlenie rossiyskoy civilizacii* [Social-and-Ecological Crisis of the XV Century and Formation of the Russian Civilization]. *Obschestvennie nauki i sovremennost*, no. 1, pp. 88–98.

Kurcev A.N. (1995) *Globalnie civilizacii i lokalnie civilizacii: universalnost i alternativnost istorii* [Global Civilizations and Local Civilizations: Universality and Alternativeness of History]. *Nestor. Istoriko-kulturnie issledovaniya* [Nestor. Historical and Cultural Researches]. Issue 3, Voronezh: [b. i.], pp. 5–12.

Kurginyan S. (2006) *Bditelnost* [Vigilance]. *Rossiya XXI*, no. 1, pp. 4–43.

Lubskiy A.V. (2004) *Rossiya kak civilizaciya: mnogomerniy konstrukt issledovaniya* [Russia as Civilization: Multidimensional Construct of Research]. *Gumanitarniy ezhegodnik* [Year-book of Humanities], no. 3 (part 1), Rostov-n/D.: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta (<http://ippk.edu.mhost.ru/content/view/161/34/>).

Marceva L.M. (2007) *Trud v kontekste Rossiyskoy civilizacii (socialno-filosofskiy aspekt)* [Work in the Context of the Russian Civilization (Social and Philosophical Aspect)]. *Avtoref. dis... d-ra filos. nauk*, Krasnoyarsk: Izdatelstvo Sibirskogo GAU.

Maslov A.A. (2005) *Civilizacionnaya identichnost rossiyskogo obschestva (socialno-filosofskie aspekty)* [Civilization Identity of the Russian Society (Social and Philosophical Aspects)]. *Avtoref. dis... kand. filos. nauk*, Moscow: Izdatelstvo RAGS.

Mayboroda E.T. (1998) *Fenomen superetnosa: Filosofskiy analiz* [Superethnos Phenomenon: Philosophical Analysis]. *Avtoref. dis... kand. filos. nauk*, Stavropol: Izdatelstvo Stavropolskogo gos. un-ta.

Mchedlova M.M. (2001) *Identichnost obscherossiyskaya* [Identity All-Russian]. *Rossiyskaya civilizaciya. Etnokulturnie i duhovnie aspekti. Enciklopedicheskiy slovar* [Russian Civilization. Ethnocultural and Spiritual aspects. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Respublika, p. 69.

Melnikov Y.N. (2005) *Ciklicheskoje razvitiie obschestvennih sistem v Rossii* [Cyclic Development of Public Systems in Russia]. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga.

Milov L.V. (1998) *Velikorusskiy pahar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo processa* [Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN.

Morozov N.M. (2011) *Ponyatie civilizacionniy podhod v otechestvennoy istoriografii na rubezhe XX–XXI vv.* [Concept “Civilization Approach” in the Domestic Historiography at a Boundary of the XX–XXI centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 23 (238). *Istoriya*. Issue. 47, pp. 104–114.

Morozov N.M. (2014) *Konceptualizaciya istoricheskogo znaniya o rossiyskoy civilizacii na rubezhe XX–XXI vv.* [Conceptualisation of Historical Knowledge of the Russian Civilization at a Boundary of the XX–XXI Centuries]. Kemerovo: Praktika.

Naydish V.M. (1998) *Civilizaciya kak problema filosofskoy antropologii* [Civilization as Problem of Philosophical Anthropology]. *Chelovek* [A Man], no. 3, pp. 40–49.

Nikolaeva I.Y. (2006) *Problema metodologicheskogo sinteza i verifikacii v istorii v svete sovremennih koncepciy bessozdatelnogo* [A Problem of Methodological Synthesis and Verification in the History in the Light of Modern Concepts of the Unconscious]. *Avtoref. dis... d-ra ist. nauk*, Tomsk: Izdatelstvo TGU.

Osipov N.E. (2004) *Formacionniy i civilizacionniy aspekti analiza kategorii “proizvoditelnie sili obschestva”* [Formational and Civilization Aspects of the Analysis of the Category of “the Productive Forces of society”]. *Filosofiya i obschestvo*, no. 2, pp. 80–98.

Pantin V.I., Lapkin V.V. (2011) *Volni politicheskoy modernizacii v istorii Rossii. K obsuzhdeniyu gipotezi.* [Waves of Political Modernization in the History of Russia. To Discussion of a Hypothesis] (http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content).

Petrova I.A. (2000) *Osobennosti civilizacionnogo razvitiya Rossii v etnicheskom vremeni* [Features of Civilizational Development of Russia in Ethnic Time]. *Avtoref. dis... d-ra filos. nauk*. Volgograd: Izdatelstvo Volgograd. med. akademii.

Platonov O.A. (2000) *Istoriya russkoy civilizacii* [History of the Russian Civilization] // *Svyataya Rus. Enciklopedicheskiy slovar russkoy civilizacii. Sostavitel O.A. Platonov* [Sacred Russia. Encyclopedic Dictionary of the Russian Civilization]. Moscow: Pravoslavnoe izdatelstvo Enciklopediya russkoy civilizacii, pp. 386–405.

Plebanek O.V. (2007) *K voprosu o strukture mentalnosti* [Question of Structure of Mentality]. *Sibirskaya mentalnost i problemi sociokulturnogo razvitiya regiona* [The Siberian Mentality and Problems of Sociocultural Development of the Region]. Sankt-Peterburg: Asterion, pp. 47–55.

Polezhaev D.V. (2009) *Russkiy mentalitet: opit socialno-filosofskogo analiza* [Russian Mentality: Experience of the Social and Philosophical Analysis]. *Avtoref. diss... d-ra filos. nauk*, Volgograd: Izdatelstvo VolGPU.

Polyakov Y.A. (2003) *Kak otrazit mnogomernost istorii* [How to Reflect Multidimensionality of History]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 1, pp. 3–8.

Proskuryakova N.A. (2005) *Koncepcii civilizacii i modernizacii v otechestvennoy istoriografii* [Concepts of a Civilization and Modernization in a Domestic Historiography]. *Voprosi istorii*, no. 7, pp. 153–159.

Rakitov A.I. (1992) *Civilizaciya, kultura, tehnologiya i rinok* [Civilization, Culture, Technology and Market]. *Voprosi filosofii*, no. 5, pp. 3–15.

Rossiya v prostranstve i vremeni (istoriya buduschego) (2004) [Russia in Space and Time (History of a Future)], Moscow: Institut ekonomicheskikh strategiy.

Rutkevich A.M. (1998) *Arhetip* [Archetype] // *Kulturologiya. XX v. Enciklopediya* [Cultural Science. XX century. Encyclopedia]. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga, OOO “Aleteyya”. In 2 vols. Vol. 2, pp. 36–37.

Ruzankina E.A. (2005) *Neklassicheskiy ideal nauchnosti v istoricheskoy nauke* [A Nonclassical Ideal of Scientific Character in Historical Science]. *Avtoref. dis... kand. filos. nauk*, Novosibirsk: Izdatelstvo NGU.

Samsonov V.B. (2001) *Prostranstvenno-vremennaya mera* [Space-Time Measure]. *Rossiyskaya civilizaciya: prostranstvenno-vremennye harakteristiki* [Russian Civilization: Existential Characteristics], Saratov: Privolzh. kn. Izd-vo, pp. 8–25.

Semenov YU.I. (1997) *Vsemirnaya istoriya kak ediniy process razvitiya chelovechestva vo vremeni i prostranstve* [A World History as Uniform Development of Mankind in Time and Space]. *Filosofiya i obschestvo*, no. 1, pp. 156–217.

Shapovalov V.F. (2001) *Rossievedenie* [Rossiyevedeniye] Moscow: FAIR-PRESS.

Sikevich Z.V. (1999) O sootnoshenii etnicheskogo i socialnogo [About a Ratio Ethnic and Social]. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii*, vol. II, no. 2, pp. 69–79.

Sledzevskiy I.V. (2002) Osobennosti i vozmozhnosti civilizatsionnogo podhoda [Features and Possibilities of Civilization Approach]. *Istoriya Rossii: Teoreticheskie problemi. Vip. 1: Rossiyskaya civilizatsiya: Opit istoricheskogo i mezhdisciplinarnogo izucheniya* [History of Russia: Theoretical Problems. Issue 1: Russian Civilization: Experience of Historical and Interdisciplinary Studying], Moscow: Nauka, pp. 21–28.

Sogrin V.V. (1998) Teoreticheskie podhodi k rossiyskoy istorii konca XX v. [Theoretical Approaches to the Russian History of the End of the XX Century]. *Obschestvennie nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 124–134.

Sorokin P.A. (1999) Obschie principii civilizatsionnoy teorii i eyo kritika [General Principles of the Civilization Theory and its Critic]. *Sravnitelnoe izuchenie civilizatsiy. Hrestomatiya* [Comparative Studying of Civilizations. Anthology]. Moscow: Aspekt Press, pp. 47–54.

Styopin V.S. (1999) *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyuciya* [Theoretical Knowledge. Structure and Historical Evolution]. Moscow: Progress-tradiciya.

Suvorov D.V. (2006) *Smena subcivilizatsiy i modernizatsionnie volni v kulturno-istoricheskoy razvitiy Rossii* [Changes of Subcivilizations and Modernization Waves in Cultural Historical Development of Russia]. *Avtoref. dis... kand. kulturologii*, Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo gos. un-ta.

Trofimov V.K. (2001) *Istoki i suschnost russkogo nacionalnogo mentaliteta (socialno-filosofskiy aspekt)* [Sources and Essence of the Russian National Mentality (Social and Philosophical Aspect)]. *Avtoref. dis... d-ra filos. nauk*, Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo gos. un-ta.

Ustyancev V.B. (2007) Prostranstvo civilizatsiy v kontekste smeni tipov racionalnosti [Space of Civilization in the Context of Change of Types of Rationality]. *Filosofiya i obschestvo*, no. 3, pp. 85–98.

Valcev S.V. (2005) *Struktura, sodержanie i osobennosti nacionalnogo mentaliteta* [Structure, Contents and Features of National Mentality]. Moscow: Izdatelstvo MGOU.

Vasileva K.K. (2002) *Mentalitet: onto-etnologicheskoe izmerenie: (Na primere buryatskogo etnosa)* [Mentality: Onto-Ethnological Measurement: (on the Example of the Buryat Ethnos)]. Moscow: Russkiy mir.

Zamyatin D. (2008) Geograficheskiy faktor i civilizatsiya [Geographical Factor and Civilization]. *Svobodnaya misl*, no. 4, pp. 169–180.